

одной стороны, и от сенъориальных и государственных поборов—с другой, обратили на себя внимание еще в конце XVII века. Уже тогда Лабрюйер рисовал мрачную картину труда и нужды крестьян, а Фенелон писал Людовику XIV, что народ умирает с голоду, обработка земли заброшена, и «Франция превратилась в разоренный и лишенный провианта госпиталь». На экономический язык перевел эти жалобы *Буагильбер* (1646—1714 г.г.), выдающийся экономист и предшественник физиократов. Искренне сочувствуя обездоленным крестьянским массам и называя себя адвокатом сельского хозяйства, он решительно осуждал Кольбертовскую политику понижения хлебных цен. «Никогда не бывает народ столь несчастным, как при дешевой цене хлеба». В противоположность меркантилистической политике, Буагильбер требовал, в целях поднятия хлебных цен, свободного вывоза хлеба за границу и запрещения ввоза его оттуда. Противником меркантилистических взглядов Буагильбер выступал и в своем учении о деньгах. Он считал «грубейшею ошибкою рассматривать золото и серебро как единственное начало богатства». Деньги, по его мнению, только служебное средство для облегчения обмена, конечную же цель хозяйства и истинное богатство составляют потребительные стоимости. Но деньги из раба хозяйства превратились в его тирана: им как идолам и божествам приносят в жертву материальные богатства и даже людей. Необходимо покончить с обожествлением денег и низвести последние снова на роль раба. В этом учении о деньгах, воспринятом впоследствии физиократами, ярко отразилась ненависть разоряемых народных масс против расточительности двора и аристократии и против гнета финансовых откупщиков.

Если Буагильбер выступал адвокатом сельского хозяйства в его тяжбе против денежного и торгового капитала, то его современник, знаменитый маршал *Вобан* (и после него Сен-Пьер) обратил внимание на необходимость облегчения налогового бремени, разоряющего

крестьянство. Они оба опередили свой век и испытали судьбу новаторов: Буагильбер за свои сочинения впал в немилость, а Вобан умер в тот самый день, когда его книга, предлагавшая «новую систему» налогового обложения, была торжественно сожжена рукою палача.

Дальнейшее развитие тех же идей дал маркиз *Аржансон* (1694—1757 г.г.). Его сочинения избежали участи книги Вобана только потому, что они при жизни автора не были напечатаны. Подобно Вобану и Сен-Пьеру, Аржансон предлагал реформу прямых налогов (талли); подобно Буагильберу, он отвергал меркантилистическую политику и видел основу народного благосостояния в «цветущем земледелии и здоровой внутренней торговле», а не в погоне за внешними рынками. Но от своих предшественников Аржансон отличался крайним радикализмом своих экономических и политических выводов. Борьба против меркантилистического протекционизма привела его к принципиальной защите полной свободы торговли. «Чтобы управлять хорошо, надо меньше управлять». «Я не знаю другой системы торговли, как оставить публику в покое (*laissez faire*) и совершенно отказаться от регламентации торговли». «Не вмешивайтесь (*laissez faire*)—таков должен быть девиз каждой публичной власти». У Аржансона впервые часто встречается эта знаменитая формула фритредерства: «*Laissez faire*» (впоследствии дополненная—вероятно, Гурнэ—словами: «*et laissez passer*»). Свое требование свободной торговли Аржансон распространял и на внешнюю торговлю: он требовал отмены таможенных границ между отдельными государствами и объединения всей Европы в одну таможенную область.

К середине XVIII века у отдельных мыслителей, таким образом, уже встречались те идеи и практические требования, которые впоследствии вошли в систему физиократов (важнейшее значение земледелия, второстепенная роль денег, польза высоких хлебных цен и свободной торговли, облегчение налогового бремени земледель-